

А. А. Гуменюк*

**САРАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
1930-х гг. ГЛАЗАМИ ГОРОДСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
М. Д. СОКОЛОВА И В. Н. СИТНИКОВА):
ПСИХОЛОГО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ**

ЕСЛИ ПЕРИОД введения НЭПа принято считать поворотом в истории Советской России, то конец 1920-х – первая половина 1930-х гг. является временем крутого поворота в истории нашего Отечества. Действительно, в эти годы сформировалась та модель социально-экономического и политического развития страны, которая просуществовала до конца 1980-х годов. В настоящий момент эта эпоха неплохо изучена, уже давно снят гриф секретности с архивных документов о репрессиях, методах коллективизации, ее последствиях и т.д. На региональном саратовском уровне также появились новейшие публикации на эту тему¹. Однако положенные в их основу материалы местных архивов, при всей их уникальности, не всегда способны передать психологическую атмосферу того времени. Это можно сделать с помощью источников личного происхождения. Поэтому в данной статье, опираясь на них, мы попытаемся охарактеризовать закат НЭПа и начало модернизации с позиций простых людей.

К началу XXI в. история повседневной жизни сложилась как одно из перспективных направлений исторической науки, на общероссийском и региональном уровнях появились новые труды², были опубликованы свидетельства очевидцев изучаемых специалистами эпох³. Два из них и послужили источниковой базой нашей работы. Первый – это дневник Михаила Дмитриевича Соколова, среднего городского жителя г. Саратова, 1874 г. рождения, конторщика одного из саратовских маслозаводов. Каких-то определенных политических взглядов он не имел, интересовался политикой «... чтобы более или менее ориентироваться в

* Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и региональной истории Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ См., например: Данилов В. Н. Саратовский край в годы первых пятилеток (1928–1940) // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002; Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1 / Под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2006.

² См., например: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003; Гуменюк А. А. Повседневная жизнь городов Поволжья в годы НЭПа // Клио. 2007. №3 (38); Он же. Саратовский обыватель и реформы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг.: некоторые зарисовки повседневной жизни // Проблемы истории российской цивилизации: Сб. науч. статей. Саратов, 2007. Вып. III.

³ См.: Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. Публикация Ю. Песикова. Саратов, 1999; Рейли Д. «Заложник пролетариата». Отрывки из мемуаров А. А. Минха. Саратов, 2001; Мишин Г. А. Были города Покровска: краеведческие очерки. Саратов, 2001. С. 76–157.

житейских сложностях»⁴, являлся родственником известного саратовского библиографа Семена Дмитриевича Соколова, члена Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Общение с ним позволило автору дневника восполнить пробелы образования, полученного в четырехклассной начальной школе. Автор второго дневника, В. Н. Ситников, человек с высшим образованием – выпускник юридического факультета Казанского университета. Владимир Николаевич не коренной саратовец (родился в Казани в 1884 г.), в губернский центр переехал в 1910 году. До революции 1917 г. работал экономистом в саратовской казенной палате (заниматься юриспруденцией ему не позволила глухота, проявившаяся после скарлатины, которой Ситников переболел еще в дошкольном возрасте). В первые годы новой власти работал в финотделе, кооперации, продовольственных органах, с 1923 по 1927 гг. числился безработным, с 1928 по 1931 гг. сумел устроиться на работу в крайторг, затем союзхлеб⁵. Эти дневники мы проанализируем в двух аспектах: 1) попытаемся охарактеризовать психологическую атмосферу тех лет; 2) постараемся определить ценность дневниковых записей как исторического источника.

Авторы обоих дневников относились к политике советской власти довольно скептически, хотя они являлись представителями разных социальных групп: Ситников – интеллигенция, причем дореволюционная; Соколов больше рабочий, но образованный (семейные узы повлияли). Поэтому в обоих дневниках рассматриваемый период описывается без прикрас, чем особенно отличались работы создателей социалистического общества. Например, о работе саратовских маслозаводов в годы первой пятилетки М. Д. Соколов замечает, что в начале 1933 г. из 15 заводов маслотреста работал только один завод, тогда как руководство заводов хвalebно сообщало о стопроцентных достижениях маслозаводчиков⁶. В его дневнике мы встречаем два серьезных размышления о смысле прожитого отрезка жизни. Осенью 1929 г. он пишет: «Жизнь прожита и прожита как-то бессмысленно, глупо, несуразно, не так как хотелось»⁷. И, тем не менее, он старается не падать духом. В начале 1932 г. он замечает: «Пройденный путь невольно наводит на размышления. Не так думалось, как стало. Не того хотелось, что получилось. Но все-таки не решаюсь повторить стих поэта: «А жизнь ... такая пустая и глупая шутка»⁸.

Ситников гораздо больше философствует на злобу дня. Отчасти это объясняется тем, что Владимир Николаевич долгое время был безработным и вообще испытал на себе все «прелести» отношения новой власти к представителям дореволюционной интеллигенции. Так, 8 июня 1926 г. он записал: «Живем каким-то инстинктом, просто ради жизни, ни к чему не стремясь, ничего особенно не желая. Спят творческие инстинкты»⁹. Осенью 1927 г. он продолжает: «Настроение от безработицы очень тяжелое. Я в большой панике от разбитых надежд. Не знаю, куда даже податься ... на дороге моей жизни только горе и несчастье. Скорей бы хоть маленькую долю радости ... настроение подавленное. Как пойдет дальше жизнь, предсказать совершенно не могу. Вот и живу на положении поднадзорного ... впереди – беспросветность, туман. Позади – жизнь, полная тоски,

⁴ Мишин Г. А. Указ. соч. С. 76.

⁵ См.: Ситников В. Н. Указ. соч. С. 4–6, 24, 26, 34, 39–40, 61, 72.

⁶ Мишин Г. А. Указ. соч. С. 149.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Ситников В. Н. Указ. соч. С. 51.

тревоги, страха»¹⁰. Анализ его записей за последующие 1928–1931 гг. это доказывает. Спасением для таких людей, фактически лишенцев или близким к ним являлось обращение к Богу, воспоминания о жизни до революции, общение с родственниками, друзьями, чтение книг, посещение театров, кино, цирка. Но, несмотря на гнетущую психологическую атмосферу, авторы анализируемых дневников на их страницах отразили немало интересных деталей экономического, культурного и политического характера. Их учет в совокупности с другими видами источников позволяет историкам более целостно отразить картину происходящего в стране на закате НЭПа и начале модернизации.

Листая страницы этих дневников, мы встречаем сведения о строительстве в Саратове и других городах страны крупных промышленных объектов: кирпичных, лесопильных заводов, теплоцентрали, Саратовского железнодорожного моста через Волгу, Саратовского государственного района электрических станций, Сталинградского тракторного завода, Ростовского завода сельскохозяйственных машин и т.д.¹¹. Об этих свершениях авторы говорят с противоречивым чувством: заметны как нотки оптимизма, так и пессимизма. Так, Ситников о строительстве железнодорожного моста через Волгу отмечает экономические выгоды его возведения (связь со Средней Азией) и в целом пишет, что «благодаря этому строительству наш город значительно вырастет»¹². В то же время Соколов язвит относительно приглашения немецких специалистов для возведения моста: «Мы все можем, а все-таки позовем немцев, около которых мы поучимся! Это напоминает старый еврейский анекдот: «Я все умею, но только все плохо»¹³. Ситников в ноябре 1931 г. дает оценку цены гигантского промышленного строительства: «На наших лишениях страна превращается из аграрной в индустриальную»¹⁴. Дневниковые записи обоих авторов изобилуют свидетельствами о жилищных, продовольственных и иных трудностях. Весной-летом 1931 г. Ситников с горечью отмечает: «Чтобы добыть самое необходимое, так устаешь, что потом нет желания работать. Приходится себя заставлять прибегать чуть ли не к самопожертвованию... Все заняты исключительно продовольственными вопросами и заготовкой дров на зиму, каковых... не хватает»¹⁵. Заметки Соколова позволяют судить более конкретнее об уровне жизни в начале 1930-х годов. Весной 1932 г. Михаил Дмитриевич сообщает, что мешок картошки стоил 100 руб., что равнялось средней зарплате рабочего маслозавода. Но на получаемые им 50 руб. (равные дореволюционному полтиннику), он мог купить только треть такого мешка. Тогда как до 1914 г. чернорабочий за эти деньги «был сыт и полупьян». Выживать позволяла только жесткая экономия средств. Эти повседневные заботы не могли не навивать на тогдашних жителей города тоскливого настроения¹⁶. Хороший стол имели только те, кто, по словам Михаила Дмитриевича, «... работают усиленно языком так, что их речи не умещаются на целые страницы газет»¹⁷.

¹⁰ Ситников В. Н. Указ. соч. С. 55.

¹¹ См.: Ситников В. Н. Указ. соч. С. 72, 73, 74, 75, 79; Мишин Г. А. Указ. соч. С. 121.

¹² Ситников В. Н. Указ. соч. С. 79.

¹³ Мишин Г. А. Указ. соч. С. 121.

¹⁴ Ситников В. Н. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ См.: Там же. С. 80, 81.

¹⁶ См.: Мишин Г. А. Указ. соч. С. 124, 141, 144, 146, 148.

¹⁷ Там же. С. 140. Вообще авторы дневников многократно приводят сведения о базарной торговле, ценах на продукты и товары, о снабжении населения через магазины ЦРК.

Насыщены дневники материалами о судьбах саратовских церквей. В феврале 1930 г. был запрещен колокольный звон в городе, с церковью Михаила Архангела, Никольской, «Петра и Павла» были сняты колокола¹⁸. Анализируемые источники свидетельствовали, что во второй половине 1931 г. с саратовских церквей были сняты последние колокола¹⁹. Затем стали решаться «судьбы» церквей. Сергиевская церковь была передана по клуб «Волгарь», Александрово-Невский собор – под клуб сарпромкредитсоюза, в одноименной часовне на Театральной площади открыли пивную и закусочную, лютеранскую церковь отдали сельскохозяйственному институту, здание Преображенской церкви было передано ЖАКТу «Красный Волгарь» для культурно-просветительных целей, во дворе Крестовоздвиженской (Казанской церкви) с 12 июля 1930 г. был открыт кинотеатр ЖАКТа № 1. Саму церковь летом 1934 г. стали разрушать, как и Митрофаньевскую²⁰. В городе активную деятельность развернул союз воинствующих безбожников. Соколов называет ее «антирелигиозным хулиганством молодежи» и дает ей яркую характеристику: «Вечером накануне Рождества (1930 г. – Г. А.) по всему городу с факелами ходили отряды комсомольцев, пели частушки и революционные песни. Потом этот громогласный и шумный карнавал расположился у многих городских церквей. Он был призван отвлечь верующих христиан от праздничной молитвы и звать их на веселые антирелигиозные сборища, атеистические лекции и тому подобные мероприятия. Но православные и староверы что-то плохо идут на приманку, а, ворча на нехристей, упорно стремятся в церкви и молитвенные дома»²¹.

Дневник Михаила Дмитриевича служит веским доказательством того, как советская пресса фальсифицировала, приукрашивала действительность. Он приводит примеры с организацией двух митингов: 21 февраля 1930 г. по случаю протеста «против бешеной травли, которую ведут империалисты, социалфашисты и церковники всех толков и вероисповеданий против Советского Союза» и в связи с прибытием 6 июля 1930 г. в Саратов на партконференцию М. И. Калинина. Из его заметок видно, что в обоих случаях люди принудительно направлялись на эти мероприятия, «... народ молчал, каждый думал про себя – быстрее бы вырваться домой. Каждому хотелось есть – время обеда давно уже прошло ... люди, пришедшие с работы, усталые и голодные ... не особенно были расположены к веселью и нахмурились еще более, когда «староста» не удостоил их даже короткой речи»²². А газеты сообщали о воодушевлении, царившем на митингах, о радостной встрече московского гостя. Интересен и сюжет его дневника об освещении в прессе криминальной хроники. Если в годы НЭПа газеты обильно тиражировали городскую милицейскую хронику, то уже в 1930 г. «газеты целомудренно молчат об этом». Хотя, по данным М. Д. Соколова в больницы ежедневно круглосуточно поступали больные, изуродованные в драках, изувеченные машинами или трамваями²³.

Дневник М. Д. Соколова – это ценный источник и для ученых, занимающихся микроисторией, поскольку изобилует массой историй судеб простых саратовцев: знакомых или родственников автора, сторожил города²⁴. Большинство из них попало в водоворот репрессивной машины государства. О проявлениях этой

¹⁸ См.: Ситников В. Н. Указ. соч. С. 70, 75, 83; Мишин Г. А. Указ. соч. С. 125, 141, 147.

¹⁹ Ситников В. Н. Указ. соч. С. 85.

²⁰ См.: Мишин Г. А. Указ. соч. С. 119, 127, 136, 137, 140, 142, 147, 156.

²¹ Там же. С. 120–121.

²² См.: Мишин Г. А. Указ. соч. С. 129, 134.

²³ Там же. С. 130, 135, 136.

²⁴ Там же. С. 116–117, 120, 139, 145.

политики также здесь не мало сведений: об итогах астраханского процесса²⁵, арестах за убийства уполномоченных по хлебозаготовкам, облавах на базарах. Задержанные ссылались в Сибирь, Архангельск и другие далекие места²⁶. Сведения о чистке на предприятиях и в учреждениях встречаются и в дневнике Ситникова²⁷. Но наиболее яркие и содержательные они у Соколова: «Арестовывают за малейшую провинность и даже без наличия ее ... Берут не только мелюзгу, но и крупных начальников ... Каждое утро узнаем о чьем-либо аресте. За ночь исчезают десятки людей, которых увозит «воронки»²⁸.

В дневниках можно найти ряд фактических данных о коллективизации: о масштабах раскулачивания (весной 1930 г. за пять дней в Хвалынске было раскулачено 600 дворов); о крестьянах заключенных саратовской тюрьмы, в 120 одиночных камерах которой находилось по 12–14 человек (всего до 13 тысяч так называемых преступников)²⁹. Не меньший интерес представляют суждения авторов дневников об эффективности коллективизации. Так, Соколов в конце июля 1930 г. пишет: «Зимой отобрали в колхозы все сады и огороды. В связи с этим обещали изобилие плодов земных и по дешевой цене. На деле оказалось наоборот». Весной 1932 г. он вновь возвращается к этой теме: «На полях начался сев. Если судить по газетным сообщениям, то посевная кампания идет очень хорошо, но на деле не совсем так. Лошадей в деревнях мало. За зиму от бескормицы пало их очень много. Плохо и с питанием людей в колхозах». Ситников в апреле 1931 г. ему вторит: «Не прекращаются разговоры о пятилетке, ее достижениях. А тем временем деревня разваливается. Неурожай может вызвать плохие последствия»³⁰. О нем и о голоде 1932–33 гг. в Саратове рассматриваемые источники личного происхождения также содержат много деталей. Это сведения о громадных очередях у хлебных ларьках; о нападениях голодных саратовских мальчишек на повозки с подсолнечными семенами, на женщин, стариков и старух, получавших хлебный паек; о круглосуточном воровстве хлеба; смертности от голода; о строительстве под Покровском (Энгельсом) аэродрома на месте ржаного поля на 300 десятин, что вызвало недовольство мужиков. Свои наблюдения Соколов резюмирует «У всех одни животные посылы о куске хлеба... Жутко становится жить... Народ худой, истощенный, злой, беспрестанно ругаются из-за каждого пустяка»³¹. Жилищный кризис и попытки его решить через выселение чуждых элементов в 1930–1931 гг. также не обходит вниманием авторы дневников³². Наконец, из экономических тем, авторы, в частности, М. Д. Соколов, делятся своими впечатлениями о состоянии паромного транспорта на Волге и гужевого транспорта, который в силу нехватки лошадей переживал не лучшие времена. Выход был найден в использовании в качестве тягловой силы всякого рода лишенцев, которые чтобы выжить впрягались вместо лошадей в повозки и развозили товар³³.

Историк, занимающийся историей повседневности, сможет найти в этих дневниках также немало интересного. Прежде всего, о том, как уходили церковные праздники, и приходили новые советские. 20 апреля 1930 г. саратовцы

²⁵ О нем пишет и В. Н. Ситников См.: *Ситников В. Н.* Указ. соч. С. 68.

²⁶ См.: *Мишин Г. А.* Указ. соч. С. 117, 124, 125, 132.

²⁷ См.: *Ситников В. Н.* Указ. соч. С. 76, 77.

²⁸ *Мишин Г. А.* Указ. соч. С. 156.

²⁹ Там же. С. 133, 139.

³⁰ См.: *Мишин Г. А.* Указ. соч. С. 137, 144; *Ситников В. Н.* Указ. соч. С. 78.

³¹ См.: *Мишин Г. А.* Указ. соч. С. 130, 146–147, 146, 149, 150, 151, 153.

³² См.: *Мишин Г. А.* С. 126; *Ситников В. Н.* Указ. соч. С. 80.

³³ См.: *Мишин Г. А.* Указ. соч. С. 128–129, 130–131.

встретили немую Пасху (колокольный звон был уже запрещен), к тому же этот день являлся самым обычным рабочим днем. Это резко контрастировало с дореволюционным временем и даже с голодным 1922 г., когда, по свидетельству Соколова, пасхи и куличи были выставлены на улицах от Казанской церкви до Хвалынской улицы. Не было официальных тождеств и на Масленицу, Троицу, люди отмечали эти праздники сами после работы, церкви, вопреки запретам были переполнены. На Первомайские демонстрации же народ заманивали бесплатным чаем с пирогами. Соколов называет демонстрации заказными и принудительными, говорит, что все новые праздники похожи друг на друга³⁴.

Ситников и Соколов много пишут о культурной жизни и изменениях в облике Саратова. Соколов упоминает о строительстве нового корпуса химического факультета Саратовского университета, появлении в Саратове новых скверов, парков, зданий. В частности, он называет место возведения нового здания цирка (угол Ильинской улицы³⁵ и Митрофаньевской площади³⁶, на месте бывшей гостиницы Канарейкина)³⁷. Ситников же пишет о своем посещении этого нового здания цирка, которое произвело на него хорошее впечатление, упоминает старых цирковых артистов: жонглера и дрессировщика лошадей И. Никитина и артиста Кольпетти³⁸. Так же Владимир Николаевич в записях за 1929–1931 гг. не обходит стороной свои посещения концертов отечественных и испанского (Сарате) скрипачей, балета Чайковского «Лебединое озеро», оперы «Садко», оперетты «Корневильские колокола», киносеансов (редкий фильм «Охота на горилл в Африке»), приезде в Саратов в середине августа 1931 г. английского писателя Бернарда Шоу, гастролях московской оперетты³⁹.

Впечатления от вечеров, проведенных саратовцами в театрах, цирке, портил антисанитарный вид улиц города. Весной 1930 г. М. Д. Соколов писал: «Чистой город не блещет. Он стал во много раз грязнее в сравнении с довоенным временем. На улицах, даже центральных, лежит толстым слоем навоз и грязь...»⁴⁰. Такая же картина наблюдалась у кооперативных домов, в сравнении с которыми частные дома являли собой образцы чистоты. К наведению порядка на улицах в ноябре 1931 г. была подключена милиция: «Каждое утро стучат в окно, приглашая мести улицу и тротуар». Но «... чистота плохо прививается, особенно в центре города»⁴¹. И это убедительно доказывают заметки В. Н. Ситникова за 1930–1931 гг.: «На улицах грязь... сильная пыль... Город загрязнен до нельзя... И что удивительнее всего – никто эту грязь не убирает... На улицах Саратова невылазная грязь от разрушенных тротуаров и неочищенных улиц»⁴². В то же время Владимир Николаевич указывает на появление в городе новых кварталов, трамвая в Пролетарском поселке, планах строительства новых заводов. С переносом в 1932 г. столицы Нижне-Волжского края в Сталинград интенсивность строительства в Саратове стал снижаться, но вместе с тем некоторые обыватели стали ощущать позитивные перемены в быту – появление электричества. Это открытие призвано было и разнообразить досуг саратовцев. Ситников 30 октября

³⁴ Мишин Г. А. Указ. соч. С. 112, 116, 127, 128, 131, 135, 139, 145, 148.

³⁵ Ныне улица Чапаева. (См.: Максимов Е. К. Имя твоей улицы. Саратов, 1986. С. 79).

³⁶ Ныне площадь Кирова (См.: Там же. С. 77).

³⁷ См.: Мишин Г. А. Указ. соч. С. 127, 134, 140–141.

³⁸ См.: Ситников В. Н. Указ. соч. С. 84, 86.

³⁹ См.: Там же. С. 64, 65, 67, 69, 70, 76, 82, 84.

⁴⁰ Мишин Г. А. Указ. соч. С. 130.

⁴¹ Там же. С. 142.

⁴² См.: Ситников В. Н. Указ. соч. С. 71, 74, 75, 83.

1929 г. записал: «На днях слышал новый электрический музыкальный аппарат “Терменвокс” – изобретение инженера Термена. Оригинальные, красивые звуки»⁴³. Историк, занимающийся дореволюционной историей Саратовского края, здесь также найдет интересные сюжеты. В частности, о судьбах членов СУАК А. А. Гераклитове, Б. Зайковском, А. А. Лебедеве; о развитии образования в Саратове в 80-е гг. XIX века⁴⁴.

Однако авторы дневников не могли отразить всего, что им бы хотелось на страницах своих дневников, особенно в первой половине 1930-х годов. Соколов в 1935 г. отмечает: «Аресты в городе не прекращаются. Мне надобно быть поосторожней, кабы кто чего обо мне не ляпнул, потом ищи меня в сибирских краях»⁴⁵. Постепенно советские люди научились выживать в условиях тотального контроля со стороны властей. Выработалась своеобразная модель поведения: формальное соблюдение всех требующихся властью атрибутов (посещение партийных и комсомольских собраний, участие в выборах и т.д.) и на фоне этого создание собственных микромиров. Это давало им возможность активно участвовать в создании новых смыслов, интересов, сообществ, форм существования и т.д. Оформляться такой тип поведения стал уже в рассматриваемое нами время. Например, В. Н. Ситников в период с 1926 по 1931 гг. неоднократно упоминал о прочитанных им книгах (Керженцова, Г. Форда, О’Генри, А. Веселого, Ск. Пиринга, А. Франса, М. Горького, В. Локка, Р. Бенждамена, Т. Драйзера, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Эренбурга, Бомарше, Достоевского, переписке Романовых, романе О. Уэдсли и др.), посещении театра, кино, играх в шахматы с сослуживцами, общении с друзьями Арлековыми, Качуриным. В то же время он с сожалением отмечал: «Тяготит отсутствие культурных людей, среди которых можно было бы забыться, найти утешение»⁴⁶. К 1970-м гг. эта поведенческая модель приобрела системный характер. В рамках создаваемых микромиров, сохраняя видимую приверженность идеалам и ценностям реального социализма, обыватели подчас интерпретировали эти ценности уже иначе, наполняли их иным смыслом. Это, по мнению американского антрополога А. Юрчага, давало возможность избегать многих ограничений и форм контроля со стороны системы, при этом не обязательно активно участвуя в различных формах сопротивления ей⁴⁷. Именно такая модель и позволила выжить в условиях тоталитарного советского общества многим людям, видевшим мир и его проявления не так, как власть имущие.

⁴³ См.: Ситников В. Н. С. 68–69; Мишин Г. А. Указ. соч. 145, 156–157.

⁴⁴ См.: Мишин Г. А. Указ. соч. С. 113–115, 132, 151, 156.

⁴⁵ Там же. С. 156.

⁴⁶ См.: Ситников В. Н. Указ. соч. С. 52–56, 61–70, 72.

⁴⁷ См.: Юрчаг А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. С. 97.